

*В библиотеку
Института
востоковедения
Академии наук
СССР
29/11/41*

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

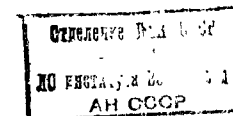
ХРОНИКА МУХАММЕДА ТАХИРА АЛ-КАРАХИ

О ДАГЕСТАНСКИХ ВОЙНАХ В ПЕРИОД ШАМИЛЯ

ПЕРЕВОД С АРАБСКОГО А. М. БАРАБАНОВА
ПРЕДИСЛОВИЕ АКАД. И. Ю. КРАЧКОВСКОГО
ТРУДЫ ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ, XXXV

БИБЛИОТЕКА
ИНСТИТУТА
ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
АКАДЕМИИ НАУК
СССР

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1941 ЛЕНИНГРАД

ПРЕДИСЛОВИЕ

Ответственный редактор
академик И. Ю. Крачковский

С начала 30-х годов настоящего столетия, когда впервые стали издавать арабские источники для новой истории Северного Кавказа, быстро выяснилось, что при большом количестве различных документов (официальных бумаг и писем) сравнительно невелико число крупных исторических произведений (типа хроник или воспоминаний), оригиналы которых известны и доступны. В то время как первая категория продолжает непрерывно увеличиваться и собирание ее идет в различных музеях, институтах и библиотеках достаточно успешно, из второй нам попрежнему известны только два основных произведения — хроника Мухаммеда Тахира и воспоминания Абд ар-Рахмана. Существование других не подлежит сомнению, но они были, вероятно, не особенно многочисленны. О некоторых из них мы знаем по упоминанию названий или по ссылкам, другие известны даже в частичных русских переводах, но арабские оригиналы их до сих пор не обнаружены. Без знакомства с последними эти источники не могут служить серьезной базой исторического исследования.

До последнего времени и те и другие — и известные в арабском подлиннике и неизвестные — привлекались историками только на основе существовавших русских переводов. Если относительно качества их высказывались сомнения с самого начала знакомства с арабскими оригиналами, то более

углубленная работа над последними выяснила, к сожалению, полную ненадежность этих переводов, которая не дает никакого права видеть в них сколько-нибудь точное отражение памятника. Вся работа здесь должна быть, как это ни печально, проделана совершенно заново и полностью, на основе критического анализа рукописного текста, по возможности с научным изданием его, с учетом расширения наших исторических сведений, с одной стороны, и всего накопившегося опыта арабистики, — с другой.

По счастью, для ряда основных памятников такая возможность теперь имеется и предлагаемая вниманию читателей книга является опытом в этом направлении. Главным стимулом для выбора первым номером намечаемой серии именно хроники Мухаммеда Тахира, кроме ее выдающегося значения среди этой категории памятников, послужило счастливое обогащение рукописного материала для критического издания.

Если пять лет тому назад, когда я писал статью, посвященную, главным образом, филологическому анализу памятника, нам были доступны только две рукописи, то теперь к ним прибавились еще три, ранее не известные, а среди них старейшая и наиболее авторитетная. Издание, основанное на планомерном и полном изучении трех важнейших рукописей с привлечением в нужных случаях двух второстепенных, дает полную гарантию правильного установления текста со всей требуемой акрибией. Возможность различных детальных изменений и поправок в тексте для будущих исследователей, конечно, не закрывается, как и при всяком критическом издании, особенно в частях стихотворных или основанных на одной рукописи, но теперь можно с большой долей уверенности утверждать, что даже находка автографа Мухаммеда Тахира, не представляющая сама по себе чего-либо несбыточного, едва ли внесет

серьезные или систематические изменения в принятый текст.

Вторая часть работы (перевод) основана на подготовленном к печати критическом издании текста. Перевод ставит своей главной целью дать в руки всех заинтересованных исследователей надежное орудие работы с полной гарантией, что русский текст отражает действительно то, что стоит в арабском оригинале. Переводчик не стремился к художественности передачи, тем более, что хронику Мухаммеда Тахира только с натяжкой и лишь в некоторых частях можно назвать художественным произведением; он везде давал точный, местами по возможности буквальный перевод, который позволял бы лицам, не знакомым с арабским языком, опираться на него как на подлинник. Тот, кто знаком с арабским языком и в особенности с состоянием разработки арабско-кавказских памятников, которая едва выходит из первоначальной стадии, не удивится, если сказать, что отдельные детали перевода могут быть со временем исправлены или улучшены, особенно в стихотворных произведениях, не всегда высокого качества, или в передаче документов, вероятно не всегда цитируемых точно. Примечания к переводу носят, по возможности, только пояснительный характер и не имеют в виду специального освещения отдельных сообщаемых фактов.

Третьей частью работы является исследование издаваемого и переводимого памятника как исторического источника. Автор отнюдь не имел в виду характеризовать полностью эпоху, которой он посвящен, а намеревался лишь осветить значение, которое данный памятник представляет для истории этой эпохи. Параллельные источники, равно как соответствующая литература, привлекались им лишь в той мере, в какой это было нужно для главной цели. Думается, что первая крупная монография об одном

из основных источников для изучения этого периода будет полезна для понимания не только самого памятника, но и всей соответствующей эпохи.

Три части работы, тесно между собою связанные, создавались параллельно и только по техническим причинам печатаются разновременно. Каждая из них в печатном виде носит самостоятельный характер и может читаться независимо от других, но старается, по возможности, не повторять одних и тех же данных в разных местах.

Вся работа выполнена А. М. Барабановым в бытность его аспирантом Института востоковедения Академии Наук СССР; автору принадлежит и честь открытия наиболее важной рукописи хроники, которая положена в основу издания. Являясь единоличным трудом А. М. Барабанова, работа велась в Арабском кабинете Института востоковедения при постоянном наблюдении со стороны заведующего им. Частые обсуждения как общих вопросов плана, так и отдельных деталей работы и на заседаниях Кабинета и в беседах с заведующим или с отдельными сотрудниками позволяют надеяться, что в труд вложен опыт не только начинающего ученого, для которого он явится первым крупным исследованием, но и всего Кабинета в целом. Можно предположить, что этот труд послужит достойным началом той серии арабских источников для истории Северного Кавказа в XIX в., о желательности осуществления которой я писал восемь лет тому назад. Остается только пожелать, чтобы этот труд не оказался в серии одиноким.

И. Крачковский

Сентябрь, 1940 г.

ВВЕДЕНИЕ

I

Книга Мухаммеда Тахира ал-Карахи „Блеск дагестанских шашек в некоторых шамилевских битвах“ является пока единственным, известным науке в подлиннике, местным источником по истории борьбы горцев Дагестана за независимость в первой половине XIX в. Это произведение охватывает весь период деятельности Шамиля и двух предшествовавших ему имамов — Гази Мухаммеда и Хамзата.

Мухаммед Тахир, известный и впоследствии дагестанский ученый, начал составлять это произведение вскоре после того, как Шамиль назначил его своим секретарем (1850—1851 гг.). Главными источниками сочинения служили устные рассказы самого Шамиля или приближенных его деятелей — непосредственных участников описываемых в книге событий. Основная часть книги была составлена в период между 1851—1856 гг. Дополнения и детали вносились автором вплоть до его смерти (1882 г.). Затем книга досталась в наследство его сыну Хабибуллаху, который, в свою очередь, до 1904 г. продолжал дополнять ее собранными им рассказами, заимствованиями из других сочинений и сложившимися к тому времени легендами и преданиями.

В 1904 г. Хабибуллах пытался издать это сочинение, для чего старательно его отредактировал и через посредство владельца типографии в Темир-

хан-шуре Мирзы Мавраева представил в цензуру. Цензура печатать книгу не разрешила, и рукопись была похоронена в цензурных архивах.

Вновь появилась на свет она только через 30 лет — в 1934 г. ее передали в Институт востоковедения Академии Наук СССР наследники профессора б. СПб. университета В. Д. Смирнова, бывшего одно время цензором „мусульманских“ изданий.

В послесловии к представленной в цензуру рукописи Хабибуллах поясняет причины, побудившие его отца взяться за составление этой книги; здесь же он кратко говорит об ее источниках и характере редакторской деятельности его самого. Он пишет: „Имам Шамиль неоднократно говорил Мухаммеду Тахиру: «Я хотел бы собрать рассказы о событиях, случившихся в мое время, однако я не могу найти досуга для этого по занятости всякими делами и войнами». Затем, зимой одного года, он поселил его в своем доме в Дарго, они сходились в сумерки в одной комнате, и Шамиль диктовал и рассказывал про случившееся на неарабском языке, а Мухаммед Тахир переводил на арабский и записывал днем то, что рассказывал ему Шамиль. Для события, при котором сам Шамиль не был, он призывал явиться того, кто был при нем, чтобы он рассказал и записал. Так он составил книгу до конца главы о возвращении Джемаль ад-Дина, сына имама, к нему из рук неверных. Затем, оттуда до конца он собрал ее сообразно с тем, что узнал и услышал от людей, за исключением того, что добавил я из посланий имама или царя, или изменил в интересах дела“.

Описание событий со слов непосредственных их деятелей и участников, к тому же лицом, которое само в какой-то мере принимало участие в ряде событий, придает данному произведению исключительную ценность и ставит его в ряд тех источников, без использования которых совершенно нельзя

обойтись при исследовании военной и государственной деятельности Шамиля и вообще истории Дагестана первой половины XIX в.

Стремление дать историкам этот ценный источник в общедоступной форме побудило Арабский кабинет Института востоковедения Академии Наук СССР предпринять издание сочинения Мухаммеда Тахира не только в арабском подлиннике, но также и в русском переводе.

II

Книга Мухаммеда Тахира получила широкую известность еще задолго до ее окончания. Многочисленные копии с рукописи ходили по рукам среди жителей не только Дагестана, но и всего Кавказа, а иногда переправлялись и за его пределы. Очевидно, в сумках паломников, отправлявшихся в хадж, копии попадали в Турцию, Египет и арабские страны. В 1899 г. дагестанец Али, сын Абд ал-Хамида ал-Гумуки, снял копию с этой рукописи для астраханского ученого Абд ар-Рахмана, сына Абд ал-Ваххаба. Институтом востоковедения Академии Наук СССР в 1939 г. приобретена копия, снятая около 1872—1873 гг., т. е. еще при жизни автора. В 1909 г. в Стамбуле изданы некоторые стихи из этого произведения под одноименным с сочинением названием. Там же в 1914 г. издан турецкий перевод, сделанный с арабской рукописи, находившейся в Медине. Копии этого сочинения до сих пор можно встретить в различных городах и селениях Дагестана и Кавказа.

О существовании произведения Мухаммеда Тахира и его популярности среди горцев русским властям стало известно, очевидно, сразу же после пленения Шамиля, если не раньше. Пристав Пржецлавский, находясь при Шамиле в Калуге уже в 1860—1862 гг., занимался переводом этого сочинения на русский

язык. Он пользовался не списком Шамиля, а рукописью, которую он добыл от какого-то „летописца-муллы“. О качестве этого перевода и „переводческих“ приемах Пржецлавского я говорю отдельно в специальной работе, здесь же укажу лишь одну характерную подробность. И. Н. Захарьин-Якунин, говоря о предпринятом Пржецлавским переводе, сообщает: „Перевод этот он дал Шамилю, прося засвидетельствовать своею подписью верность фактов, изложенных в рассказе. Шамиль, не видя в глаза подлинника и не читая вовсе по-русски, категорически отказался подписать перевод“.¹ Этот „перевод“-сочинение, датированное „1 ноября 1860 г. Калуга“, был найден проф. Н. И. Покровским в архиве Академии Наук СССР среди бумаг историка кавказских войн Н. Дубровина, которому он был передан самим Пржецлавским. О существовании какого-то перевода знал и кавказовед Волконский.

Сразу же после пленения Шамиля, а может быть и раньше, начальник Среднего Дагестана генерал Лазарев уже имел в своих руках список арабской рукописи произведения Мухаммеда Тахира, который он передал известному кавказоведу того времени — А. П. Берже, во время посещения последним в 1860 г. Гуниба. Берже взялся за перевод рукописи, но перевел только три главы, а затем, отдав рукопись кому-то другому, не получил ее обратно, и она исчезла.

Приведенные примеры указывают на большой интерес, проявленный русскими историками того времени к данному сочинению. Первыми, к кому попадали списки рукописи, были военные деятели, немедленно пытавшиеся или сами сделать русский перевод, или же передать рукописи в руки специалистов. Однако вскоре после ознакомления с этим

сочинением, полным духа ненависти и презрения к поработителям Дагестана, изобилующим многочисленными описаниями примеров героизма горцев, вероломства, трусости и бездарности русских генералов, продажности и измен горской знати, ханов и беков, ставших после покорения Дагестана опорой царизма, интерес к этому сочинению остыл и о нем „забыли“ и историки и военные деятели.

И это понятно, ибо приводимые в сочинении факты не совпадали ни с описаниями „победоносных“ войн на Кавказе тогдашних историков, ни с воспоминаниями и мемуарами военных деятелей, оперировавших против Шамиля и вообще на Кавказе. Дагестан был окончательно покорен, Шамиль взят в плен и сослан в Калугу. Генералы „герои-победители“ получали повышения и ордена, писали мемуары, историки при изготовлении многотомных описаний Кавказских войн с успехом обходились и без местных источников; с них хватало рассказов и рапортов генералов и наместников. До действительных фактов недавней упорной и кровопролитной борьбы никому не было дела.

Сочинение Мухаммеда Тахира по негласному закону зачислялось в разряд „крамольных мусульманских книг“.

Цензура зорко следила за содержанием литературы, издаваемой в „мусульманских“ типографиях Темир-хан-шур, Бахчисарая, Казани, Оренбурга и др. Ни в одной из этих типографий „Блеск дагестанских шашек в некоторых шамилевских битвах“ печататься не мог. Этому сочинению суждено было и впредь тайно от властей и от цензуры ходить по рукам ученых и грамотеев, кропотливо переписывавших копии с копий и разносивших их по горским аулам покоренного Дагестана.

После Великой Октябрьской социалистической революции интерес к сочинению Мухаммеда Тахира

¹ И. Н. Захарьин-Якунин. Встречи и воспоминания. Генерал Шамиль и его рассказы об отце. СПб., 1903, стр. 50.

еще больше усилился среди горцев Дагестана. Освободившиеся под руководством советской власти от гнета царских колонизаторов и их приспешников и верных слуг — шамхалов, ханов, беков и мулл — народы Дагестана хотят знать свое прошлое, хотят знать историю борьбы своих отцов и дедов за независимость и свободу, хотят видеть во всей полноте истинные облики своих народных героев, суровых, непоколебимых борцов против угнетателей и колонизаторов, учиться на их примерах мужеству, борьбе и любви к своей родине. Одним из таких наиболее видных героев был Шамиль, 25 лет возглавлявший горцев, яростно и упорно сражавшихся за свободу, которую они отныне получили навсегда.

Память о Шамиле еще жива не только в устных рассказах, поэмах, легендах и песнях, но и в воспоминаниях ряда стариков, лично знавших Шамиля и участвовавших иногда вместе с ним в его походах.¹

Сочинением Мухаммеда Тахира, как единственным местным источником, наиболее полно и подробно излагающим военную деятельность Шамиля, начинают, еще более чем раньше, интересоваться не только специалисты-историки, но и широкие круги местных читателей.

Ознакомление идет двумя путями: с одной стороны, попрежнему снимаются копии с копий рукописи на арабском языке;² с другой стороны, предпринимаются попытки перевести сочинение на русский язык.

¹ В 1939 г. Ц. О. „Правда“ сообщала: „В ауле Элистанжи Веденского района живут 166-летний Гунакбай Гезиев и 147-летний Хансимурад Дадаев. Оба они лично знали народного героя Шамиля. Гунакбай Гезиев и Хансимурад Дадаев состоят членами колхоза им. Сталина“ (Ц. О. „Правда“, № 44/7729, 14 февраля 1939 г., Современники Шамиля).

² В Дагестанском научно-исследовательском институте истории языка и литературы, в г. Махач-кала, хранится копия с рукописи Мухаммеда Тахира, снятая в 1929 г.

Первый путь широкого развития не получил. Арабский язык, бывший до революции единственным в Дагестане письменным языком, постепенно отходит на задний план. С первых же дней установления советской власти в Дагестане бурно развернувшееся культурное строительство захватило и многие бесписьменные языки населяющих Дагестан народов. Оформлялись грамматические нормы, вырабатывался алфавит, появлялись книги на местных языках (кумыкском, даргинском, лезгинском, татском и др.). Бывшие „медресе“ и „худжры“ при мечетях, в которых раньше происходило обучение детей арабскому языку и чтению Корана, были заменены советской школой, где обучение производится на местных и русском языках. Арабский язык, вместе с мусульманской религией, постепенно выходит из обихода и сохраняется только в очень узких кругах стариков и начетчиков, среди которых еще до сих пор продолжает иногда бытовать на равных правах с местными языками.¹ Но таких стариков-начетчиков единицы, а сочинением Мухаммеда Тахира начали интересоваться массы, причем главным образом молодежь, совершенно не знающая арабского языка.

Второй путь до сих пор также не привел к желательным результатам. Русский язык, бывший для горцев Дагестана до Великой Октябрьской социалистической революции языком поработителей и угнетателей, естественно, широкого распространения не получал. Им владели в какой-то мере феодальная верхушка, городские богатеи, купцы и все те, кто так или иначе был связан с русскими, или находился на службе у царского правительства.

¹ В 1939 г. в г. Махач-кала я имел несколько встреч с одним из таких начетчиков — Абдурахманом Казиевым. Он в совершенстве владеет арабским языком и ни слова не говорит по-русски. Всю свою переписку Казиев ведет только на арабском языке, причем, следуя, очевидно, старой традиции, письма свои излагает в цветистых стихах и рифмованной прозе.

Основные же трудящиеся массы горцев, на ряду с ненавистью к поработителям — царским чиновникам и „кафирам“, презирали и русский язык. Они его не знали, он для них был языком угнетателей, „проклятых“ и „неверных“.

Русский народ, помогший горцам освободиться и от гнета царизма и от гнета верных прислужников царизма — местных эксплуататоров: ханов, беков, мулл и пр. — протянул народам Дагестана руку братской помощи и содружества. Когда-то разжигаемая до фанатизма муллами и различными шейхами и „арабистами“ среди верующих мусульман ненависть ко всем не-мусульманам и особенно русским потеряла под собой политическую и экономическую базу и вместе со всеми этими муллами, суфиями и шейхами быстро сошла со сцены. Ненависть угнетенных к угнетателям ушла безвозвратно вместе с угнетателями и уступила свое место братскому содружеству, а религиозный фанатизм был уничтожен большой реальной помощью, оказанной русскими народам Дагестана в деле возрождения и подъема их национальной культуры, национальной по форме, социалистической по содержанию.

В связи с этим круто изменилось и отношение к русскому языку; он стал языком великого братского народа, языком старшего брата в многонациональной семье трудящихся Советского Союза. Русский язык не только занял место арабского языка, но он для многих становится вторым, на ряду со своим местным, равнозначущим языком.

Отсюда становится понятным стремление некоторых местных научных деятелей перевести ряд книг с арабского языка на русский. В числе этих книг — и сочинение Мухаммеда Тахира ал-Карахи, как наиболее популярное и крупное историческое и литературное произведение местного происхождения, излагающее историю героической борьбы Шамиля,

еще до наших дней популярного среди горцев. К сожалению, эти попытки местных переводчиков не дали пока желательных результатов.

Первым наиболее удачным русским переводом следует признать перевод некоего Сапи из аула Энгеной. По отзывам Н. И. Покровского, долгое время занимающегося историей Дагестана, этот перевод, хотя и неточный и неоконченный, все же является наиболее приближенным и верным. По неизвестным мне причинам, перевод этот опубликован не был и в течение 7—8 лет считался утерянным. Обнаружен он только в начале 1940 г. в г. Ворошиловске.¹

В 1926 г. был издан в г. Махач-кала, выполненный Г. Маллачи-ханом под редакцией Тахо-годи, неполный русский перевод данного сочинения Мухаммеда Тахира, озаглавленный почему-то „Три имама“.² Этот перевод крайне неудачен. Переводчик, очевидно, очень плохо знал арабский язык и свое незнание, как правило, везде заменял пылкой фантазией и изощренными выдумками. Даже общеизвестные факты, сравнительно правильно изложенные Мухаммедом Тахиром, при переводе настолько порой извращены, что часто затрудняешься ответить — откуда это все взял переводчик? Собственные имена и географические названия перепутаны, случаи превращения одного лица в два — не единичное явление, вставлены иногда целые страницы прямой речи Шамиля или других фигурирующих в сочинении лиц, совершенно отсутствующие в оригинале. Личности Шамиля как бы созна-

¹ Сделанный Сапи неполный русский перевод и арабский оригинал перевода в данное время хранятся в рукописном отделе библиотеки Педагогического и учительского института в г. Ворошиловске. О его местонахождении нам стало известно только в феврале 1940 г., когда предпринятый мною перевод был уже в основном закончен.

² Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа, вып. 45, Махач-кала, 1926, стр. 53—192.

тельно придана „чудодейственная“ окраска до безрассудства фанатичного фаталиста, что никак, конечно, не отражает истинного его облика. Другие деятели также выглядят не лучше.

Издание такого перевода было крупной ошибкой, не замедлившей сказаться на последующих работах ряда исследователей деятельности Шамиля и истории Дагестана. Не входя в детальный разбор качества перевода, степени изобретательности его исполнителя и не касаясь ошибок в трудах последующих исследователей, некритически пользовавшихся этим переводом, я здесь вкратце укажу лишь на некоторые последствия выпуска в свет такого плохого перевода.

В конце 1938 г. вышла книга „Борьба горцев за независимость под руководством Шамиля“.¹ Автор работы — научный сотрудник Института истории Академии Наук СССР — С. К. Бушуев, сперва приняв вымыслы переводчика за действительный перевод, построил на нем добрую половину раздела своей книги, излагающего фактическую сторону деятельности Шамиля. Затем, видя, очевидно, что использованный им фактический материал „перевода“ слишком уж неправдоподобен, пришел к своеобразному выводу, который счел нужным изложить во введении: „При всем значении этих источников, принадлежащих деятелям мюридского движения, надо сказать, что они имеют крупные и существенные недостатки. Одним из таких недостатков является их религиозный привкус. И Абдуррахман, и Хаджи-Али и Магомет-Тагир объясняют ряд явлений силой божественного провидения: «Так угодно было аллаху». Затем в этих источниках немало заведомо преувеличенных данных, например, о потерях русской армии, о доблести и храбрости горцев, о Шамиле и т. п.

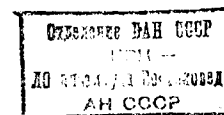
¹ Издание Академии Наук СССР, 1939.

Магомет-Тагир, например, приводит следующее, чрезмерно преувеличенное свидетельство о Шамиле, где последний нарисован святым и богоподобным существом: «...Шамиль не получил ни ушиба, ни царапины, хотя вся его одежда была изрешечена пулями и снарядными осколками»“.

Тов. Бушуеву неизвестно, что его огульное обвинение автора не обосновано и, главное, направлено не по адресу: его нужно адресовать фантазеру-переводчику, от начала до конца выдумавшему и приведенный автором пример и ряд ему подобных других. Частые же ссылки на аллаха, которые действительно имеют место в сочинении, являются уступкой своеобразной традиции, применяемой почти во всей арабской литературе, — включение в текст произведения стихов Корана и молитвенных изречений без оговорок и ссылок на источники. Отличать эти цитаты от самого текста сочинения, очевидно, нужно, и приписывать их автору как его собственные слова никак не следует.

Действительно, местные источники, в известной мере, страдают односторонностью и тенденциозностью, но в значительно меньших масштабах, чем русские источники того времени. Данное сочинение Мухаммеда Тахира также страдает в известной мере тенденциозностью, хотя и в довольно примитивной и наивно-религиозной форме, но это обстоятельство отнюдь не уменьшает его ценности и достоверности приводимых в нем сведений.

При внимательном исследовании устранение этих недостатков из местных источников составляет гораздо меньший труд, чем подобная же операция над сочинениями буржуазных русских и западных историков-кавказоведов, более опытных специалистов и по истории и по ее фальсификации. Но для этого нужно работать над оригиналом или иметь точные переводы. Свое же заключение т. Бушуев построил

на основе неверного перевода, в результате чего и родилось ложное представление, порочащее громкогласно на страницах академической книги местные источники, являющиеся по сути дела вполне надежными первоисточниками для каждого историка.

Другого характера ошибку сделал проф. Н. И. Покровский. Занимаясь несколько лет новой историей Дагестана, он приложил много стараний к исследованию местных источников и, в частности, сочинения Мухаммеда Тахира. Не зная тогда арабского языка, он занимался этими источниками в русских переводах. Ему известны переводы книги Тахира — Пржецлавского, Берже, Сапи из аула Энгеноя, „Три имама“ и др.

Все эти труды, не говоря уже об их неполноте, давали ему самые различные переводы одного и того же источника, а при внешнем исследовании попадавшихся в его руки рукописей на арабском языке он устанавливал различный объем одного и того же сочинения, что действительно имеет место, так как произведение составлялось постепенно, а снимавшиеся с него в разное время копии, фиксируя состояние рукописи в момент переписки, в дальнейшем, конечно, не пополнялись. Наконец, он пришел к выводу о существовании якобы нескольких вариантов и редакций рукописи. В дальнейшем он направляет свою деятельность на подбор и классификацию различных списков рукописи и переводов, пытаясь таким путем воссоздать содержание сочинения, наиболее приближающееся к оригиналу. Вряд ли нужно доказывать, что сравнение неполных и неверных, а иногда и сознательно извращенных переводов, как бы ни было велико их количество, может привести к очень незначительным результатам, никоим образом не оправдывающим ни кропотливого труда по сличению этих переводов, ни возлагавшихся на эту работу надежд исследователя.

Так, на основе плохих переводов родилось неверное предположение о якобы существующих нескольких вариантах и редакциях одного и того же сочинения, что, в свою очередь, вызвало неверный, с моей точки зрения, метод научного анализа Н. И. Покровского.

Даже в самом Дагестане, где имеется масса самых разнообразных материалов и источников по истории движения Шамиля, перевод „Три имама“ до сих пор считается надежным „первоисточником“. Несмотря на то, что там легко разыскать списки рукописи Мухаммеда Тахира,¹ никому не приходило в голову проверить правильность этого перевода.

Местные историки, касаясь периода деятельности Шамиля, до сих пор безоговорочно используют вымыслы досужего переводчика, выдаваемые за сведения арабского оригинала, не считая нужным хотя бы сравнить некоторые явно несуразные вымыслы с другими местными же источниками.

В 1939 г. в г. Махач-кала вышла книга молодого местного историка, кандидата исторических наук, Расула Магомедова: „Борьба горцев за независимость под руководством Шамиля“.² Это первое относительно крупное местное произведение вполне заслуживает пристального внимания. На ряду с общеизвестными источниками, автором использовано много никому до сих пор неизвестных рукописных материалов, хранящихся в библиотеках научных учреждений Дагестана.

¹ За 20 дней пребывания в г. Махач-кала в августе 1939 г. мне удалось разыскать 3 списка сочинения Мухаммеда Тахира. Два из них хранились в рукописном фонде Научно-исследовательского института истории, языка и литературы; третий, приобретенный впоследствии Институтом востоковедения Академии Наук СССР, принадлежал частному лицу — Абдулрахману Казиеву. Имеются также списки этого произведения Мухаммеда Тахира в Ворошиловске, Закаталы и ряде других мест.

² Даггиз, 1939.

Автор по-новому поставил и правильно разрешил ряд неясных вопросов, дал некоторые важные историко-экономические, биографические и прочие сведения. Однако и в этой работе некритическое использование материалов из „Трех имамов“ привело к некоторым ошибкам в изложении фактической стороны и обстановки ряда событий (взятие русскими Гимр, осада Ахульго, свидание Шамиля с генералом Пулло и др.).

Первый поставил под сомнение качество перевода „Трех имамов“ и его адекватность арабскому оригиналу акад. И. Ю. Крачковский. В 1935 г., исследуя два незадолго до этого поступивших в Институт востоковедения Академии Наук СССР списка рукописи Мухаммеда Тахира, один из которых — упоминавшийся выше автограф сына автора Хабибуллаха, акад. И. Ю. Крачковский писал: „В 1926 году был напечатан частичный перевод интересующего нас произведения по неизвестной рукописи. Для анализа нашего экземпляра (речь идет об автографе Хабибуллаха, — А. Б.) перевод приносит мало пользы; он основан на другой версии, дан не полностью, кроме того, в переведенных частях сильно сокращен и далеко не всегда удовлетворительно выполнен“.¹

Этот, по мягкому выражению акад. И. Ю. Крачковского, „далеко не всегда удовлетворительно выполненный“ перевод в действительности настолько „неудовлетворителен“, что даже его, крупнейшего мирового ученого-арабиста, заставил высказать предположение о том, что „он основан на другой версии“.

Другой версии у переводчика не могло быть потому, что этих версий вообще не существует. Выполнен этот перевод по одной из копий рукописи, хотя и многочисленных, но дающих очень незначительные

одна от другой отклонения (описки, случайные пропуски переписчиком одной или двух строк, опущение глосс, огласовок и пр.). Автограф Хабибуллаха имеет только иное, чем все другие списки, предисловие, написанное самим Хабибуллахом. Крупнейший ученый просто не мог предположить такое высокое мастерство переводчика в области фантазии и беззастенчивой выдумки, восполнявших при переводе пробелы в знании арабского языка.

Приходится только высказать сожаление о том, что авторитетная редакция второго издания „Истории XIX века“ Лависса и Рамбо сочла нужным поместить этот „перевод“ „Трех имамов“ в список библиографии по Кавказу того времени в разделе „Мемуары, труды современников, позднейшие труды“, отрекомендовав этот труд без всякой оговорки как „мемуары мюрида Шамиля Магомета Тагира из Караха“.¹

III

В 1938 г., по инициативе акад. И. Ю. Крачковского, я приступил к подготовке издания арабского оригинала и русского перевода этого сочинения Мухаммеда Тахира. Нужно было путем сличения ряда списков восстановить арабский текст, максимально приближающийся к утраченному оригиналу, и сделать с него русский перевод.

Точное восстановление неизвестного нам оригинала по рукописным копиям и копиям с копий могло быть достигнуто только путем тщательного сличения наибольшего количества этих копий, предпочтительно разных периодов их написания и различных мест нахождения. Только от этого зависел

¹ И. Крачковский. Новые рукописи истории Шамиля. Исторический архив, т. II, Изд. Акад. Наук СССР, 1939, стр. 7—8.

¹ История XIX века, под редакцией профессоров Лависса и Рамбо. Перевод с французского, второе дополненное и исправленное издание, под редакцией профессора Е. В. Тарле, т. 4, ОГИЗ, М., 1938, стр. 486.

успех предпринятого труда, так как все прочие необходимые условия были мне созданы Институтом востоковедения и лично акад. И. Ю. Крачковским, взявшим на себя труд руководить моей работой.

При начале работы в моем распоряжении находились три следующие рукописи.

1) Автограф сына автора Хабибуллаха сильно переработанной им рукописи отца. Автограф имеет дату „зул-хиджа 1321 года“ (февраль — март 1904 г.). Хабибуллахом рукопись озаглавлена „Книга дагестанских событий в шамилевские времена“. Эта рукопись названа мною „рукопись А“.

2) Копия, снятая неким дагестанцем Али, сыном Абд ал-Хамида ал-Гумуки, и поднесенная в дар астраханскому ученому Абд ар-Рахману, сыну Абд ал-Ваххаба. Переписана эта копия в 1899 г. и озаглавлена „Блеск горских шашек в некоторых шамилевских битвах“. Эта рукопись названа мною „рукопись Б“.

Обе эти рукописи детально исследованы акад. И. Ю. Крачковским в цитированной мною выше его статье.

3) Фото-снимок с неполной рукописи, найденной в Тбилиси доц. Г. В. Церетели, предоставленный мне в пользование акад. И. Ю. Крачковским. Дата написания неизвестна. Эта рукопись названа мною „рукопись В“.

Трех рукописей, из которых одна в угоду цензуре значительно переработана сыном автора, для поставленной задачи было недостаточно. Летом 1939 г. я получил командировку в г. Махач-кала для сбора дополнительных материалов. Там мне удалось обнаружить еще два списка этого сочинения.

1) Превосходно выполненную копию, включенную в общий том с рядом других до сих пор совершенно неизвестных науке сочинений об эпохе Шамиля. Эта

рукопись переписана, очевидно, как показывают косвенные данные, в 1872—1873 гг. и озаглавлена „Блеск дагестанских шашек в некоторых шамилевских битвах“. Принадлежала рукопись проживающему в г. Махач-кала кумыху арабисту-любителю Абдуррахману Казиеву и была приобретена Институтом востоковедения Академии Наук СССР. Эта рукопись, как наиболее авторитетная, положена мною в основу перевода. Она мною названа „рукопись К“.

2) Копию, снятую неизвестным переписчиком в 1929 г., озаглавленную так же, как и рукопись К. Есть основания предполагать, что она скопирована если не с рукописи К, то во всяком случае с очень близкого к ней списка.

Пяти рукописей с последовательно расположенными датами их переписки в пределах 60 лет (1872—1899—1904—1929 гг. и одна без даты) было вполне достаточно для предпринятой работы, в связи с чем дальнейшие поиски списков рукописи мною были прекращены. В основу сводного критического текста были положены первые четыре списка, пятый привлекался только для справок.

Детальная сверка списков, исключая рукопись А, о которой см. ниже, позволила сделать следующие выводы.

1) Никаких „сокращенных“, „расширенных“ и прочих версий и редакций этого сочинения не существует. Ошибочные предположения о существовании различных версий и редакций сложились на основе пользования неверными и извращенными русскими переводами, а также в результате исследования копий, разнящихся друг от друга датой их снятия с оригинала, без учета того, что сочинение складывалось постепенно в течение примерно 50 лет (1850—1855—1900—1904 гг.) и все время дополнялось описаниями последующих событий и вставками вновь собранных рассказов, легенд и преданий. Более ранний

список может не иметь тех или иных дополнительных сведений, имеющих в более новом по времени списке, но иметь разные сведения две копии никак не могут, и если они будут обнаружены, то их следует относить за счет дополнений переписчика.

2) В основном все сочинение, включая заимствования из произведения Абд ар-Рахмана и описание смерти Шамиля в Медине, было закончено уже к 1870—1872 гг. Дальнейшее пополнение сочинения шло за счет мелких вставок, сложившихся позже легенд, глосс, уточнения имен и названий и пр., но основное содержание не менялось. Таким образом все копии, снятые после указанной даты, представляют собою копии полного сочинения, а не его отдельных частей. Все же недостающее в этих копиях следует относить за счет сознательного пропуска переписчиком или же утраты отдельных листов (чаще всего — конца и начала).

3) Несмотря на многократную и разновременную переписку копий с оригинала и копий с копий, большинство рукописей дает почти точное повторение оригинала. Отклонения копий от оригинала идут за счет случайного пропуска строк, неразобранных единичных слов, опущения глосс, колебаний в транскрипции русских слов и местных географических названий и прочих мелких погрешностей. Никакого смыслового изменения или извращения текста мне установить не удалось.

В ином положении находится рукопись А, сильно переработанная при обработке сыном автора Хабибуллахом, готовившим ее, как уже упоминалось выше, для представления в цензуру.

До сих пор не было ничего известно о причинах, побудивших Хабибуллаха взяться за редактирование этого произведения отца и о времени начала редактирования. Из самой рукописи было только

известно, что редактировал ее сын автора Хабибуллах, а представлял в цензуру Мухаммед Мирза Мавраев 15 ноября 1904 г. Окончание редактирования было указано Хабибуллахом в конце рукописи — февраль—март 1904 г. Больше никаких сведений ни в самой рукописи, ни в какой-либо относящейся к ней литературе не имелось.

Буквально счастливый случай помог мне выяснить отчасти некоторые интересующие нас детали. Во время командировки в 1939 г., в книжных фондах Дагестанского краеведческого музея в г. Махачкала, среди беспорядочно сваленных в кучу различных документов и книг на арабском языке, я случайно обнаружил пачку частных писем, в которой находилось письмо Мухаммеда Мирзы Мавраева к Хабибуллаху, написанное по-арабски и помеченное „23 октября 1902 года“. Мавраев, как видно из этого письма, принимал деятельное участие в издании произведений Мухаммеда Тахира ал-Карахи. Среди различных требований и запросов по поводу некоторых печатающихся или предполагавшихся к печати сочинений Мухаммеда Тахира Мавраев упоминает о „Блеске дагестанских шашек в некоторых шамилевских битвах“.

В конце письма он пишет: „Я раньше хотел печатать «Блеск горских шашек», однако печатание ее в данном ее виде невозможно. А если бы ты выбросил из нее то, что порочит российское правительство, и переименовал ее название на «Кремни Дагестана» или что-либо подобное, то я, может быть, смог бы взять разрешение для ее напечатания. Поистине, как часто цензура смотрит на название книг и на их начала и концы без внимательного рассмотрения того, что находится в самой книге. Пойми это, и с миром“.¹

¹ Подлинник этого письма хранится в книжном фонде Дагестанского краеведческого музея в г. Махачкала среди „Материалов, относящихся к истории деятельности Шамиля“, выделенных мною во время разбора арабских документов фонда в отдельные папки с указанным заглавием. Снятая мною копия с этого письма находится у меня.

Хабибуллах, повидимому, последовал совету Мавраева и поспешно принялся за переделку сочинения отца, приводя его в соответствие с теми формами изложения, которые, по мнению Мавраева, давали возможность последнему получить в цензуре разрешение на напечатание этого труда. Через полтора года (февраль—март 1904 г.) Хабибуллах окончил редактирование, а еще через полгода рукопись была представлена Мавраевым в цензуру. Надежды Мавраева не оправдались — разрешения царской цензуры он не получил и рукопись была похоронена в архивных подвалах, где и пролежала до наших дней.

При редактировании сочинения отца Хабибуллах точно придерживался советов Мавраева. Он изменил название сочинения: прежнее всем известное название „Блеск дагестанских шашек в некоторых шамилевских битвах“ было превращено в „Книгу дагестанских событий в шамилевские времена“. Он добросовестно устранил все „то, что порочит российское правительство“, заменив все нелестные, уничижительные и оскорбительные эпитеты, присвоенные автором сочинения русским полководцам, генералам и царю, не только на более мягкие, но прямо почетные и похвальные: „проклятого Аргута“ он превратил в „начальника Аргута“, „собаку Воронцова“ — в „мужа Воронцова“, „свинью Пулло“ — в „начальника Пулло“, „проклинаемого Кюки“¹ — в „большого начальника Кюки“ и т. д. Эпитет „неверные“ повсюду был переделан на „русские“. Описание ряда событий было изложено в более выгодном для русских освещении, ряд деталей о неблагоприятных поступках русских генералов и предательствах горской знати и феодалов был вообще выброшен. К концу книги Хабибуллах приложил переписку Шамиля с Александром II и военным министром

¹ Генерал Кюки-фон-Кюгенау, оперировавший против Шамиля.

Милютиним по вопросу принятия Шамилем русского подданства и текст самой присяги Шамиля.

Под пером редактора, руководимого тщетной попыткой хотя бы в какой бы то ни было форме издать сочинение отца, произведение изменило свой облик. Непримируемый дух мужественных борцов, неукротимая ненависть и презрение к поработителям, злая ирония и насмешки по адресу русских генералов, которыми дышало сочинение на каждой странице, были заменены спокойным эпическим, а иногда и прямо подобоострастным повествованием о „событиях времен Шамиля“.

Однако основной фактический материал остался в сочинении нетронутым, а сам текст был внимательно огласован, в изобилии снабжен указательными значками, дополнен глоссами. Личные имена и географические названия были даны более расширенно и точно.

При сверке нескольких списков с автографом Хабибуллаха не представляло особого труда выяснить почти все редакторские изменения и вставки. Вставки редактора в издаваемом критическом арабском тексте и русском переводе взяты мною в круглые скобки, а произведенные им изменения даны в примечаниях.

IV

Предлагаемый русский перевод „Блеск дагестанских шашек в некоторых шамилевских битвах“ сделан со сводного критического текста.

Разновременность составления рукописи, очевидно, отразилась на ее конструкции. Своеобразное деление текста на „главы“, „рассказы“, „дополнения“, „замечания“, „приставки“ и пр. мною сохранено в переводе полностью.

При переводе я старался дать наиболее точную смысловую и конструктивную передачу арабского

текста, идя иногда сознательно на некоторые отклонения от русской грамматики и синтаксиса. Все имена собственные даны в точной передаче, с соблюдением арабской формы построения. Географические названия переданы двумя способами: общеизвестные даны в установившейся в русской литературе форме, неизвестные или малоизвестные даны в точной передаче их арабской формы.

Религиозные формулы и цитаты из Корана сохранены полностью в их точном переводе с указанием цитируемых мест Корана. Это сделано мною по следующим соображениям: наличие в переводе этих формул и цитат позволяет легко установить, где идет изложение мыслей автора или рассказчика и где сделана уступка религиозной традиции; характер приводимых формул и цитат дает представление об отношении автора к тому или иному описываемому им событию или лицу; кроме того, в отношении лиц эти формулы помогают установить: был ли жив тот или другой упоминаемый деятель в период описываемого события, что значительно облегчает историкам уточнение дат смерти некоторых деятелей и времени многих событий; и последнее — смысл и характер цитат и формул, употребленных при разных обстоятельствах, позволяет частично выяснить религиозно-мистическое мировоззрение „шейхов тариката“, ученых того времени, и самого Шамиля.

Многочисленные в арабском тексте глоссы в русском переводе использованы по-разному: глоссы, разъясняющие или дополняющие текст, включены в текст перевода или даны в примечаниях; глоссы, дающие морфологические и синтаксические пояснения или синонимы употребленных в тексте слов и фраз, учтены при переводе и поэтому опущены.

Все разночтения и расхождения текстов даны в примечаниях. В примечаниях же даны пояснения

терминов и различные справки переводчика. Смысловые пояснения текстов и дополнительные слова, отсутствующие в арабском тексте, но требующиеся в русском переводе, даны в тексте в квадратных скобках. .

Большую помощь при переводе мне оказала цитированная выше статья акад. И. Ю. Крачковского „Новые рукописи истории Шамиля“, в которой детально исследована вся неарабская терминология произведения Мухаммеда Тахира. Без систематических справок в данной статье едва ли мне удалось бы достигнуть точного перевода ряда мест оригинала, где автор передает в своеобразной транслитерации русские слова: адъютант, сержант, архиерей, улан, гусарский полк, величество, оказия, дрожки, чин и др. Также непонятыми остались бы и слова, заимствованные из турецкого и других языков, переданные в неверной транскрипции или искаженной форме.

В начале работы над переводом значительное для меня затруднение представляло необычное построение ряда предложений, очень часто совершенно не согласующихся с нормами синтаксиса арабского языка. Одновременно приводили в полное недоумение особые над- и подстрочные значки в форме арабских цифр, литер и производных от них сочетаний. У моих предшественников по исследованию арабоязычных рукописей и документов Дагестана я никаких указаний по этому поводу найти не мог, так как странные значки и у них вызывали недоумение или же приводили к ошибочным выводам о их назначении.

Имея большой сравнительный материал, я провел работу по выяснению назначения и определению функций этих значков и мне удалось достигнуть некоторых положительных результатов. Если не с исчерпывающей полнотой, то во всяком случае в основных

чертах, удалось раскрыть целую систему пояснительных значков, имеющуюся только в арабоязычных рукописях и документах Северного Кавказа и больше нигде не встречающуюся. Эти значки имеют смысловое и синтаксическое назначение, связывая между собою различные части предложения, фразы и целые абзацы.¹ Дальнейший анализ этой системы значков показал, что ее употребление позволяет допускать значительные отклонения от норм арабского синтаксиса и до максимального предела доводить краткость изложения, чем и пользовался Мухаммед Тахир при изложении переводимого мною сочинения.

Последующая работа по переводу, благодаря открытой системе пояснительных значков, была уже значительно легче и увереннее.

Вся работа по подготовке сводного критического текста и русского с него перевода проводилась мною при непосредственном и повседневном руководстве и помощи акад. И. Ю. Крачковского, за что приношу ему свою искреннюю благодарность. Он первый в Академии Наук СССР обратил внимание научной общественности на это сочинение Мухаммеда Тахира ал-Карахи, как на произведение большого значения для истории народов СССР, он первый проявил инициативу в подготовке издания этого произведения в арабском оригинале и русском переводе, ему же обязано оно своим появлением в свет.

Май 1940 г.

А. Барабанов

¹ Подробно об этих значках см. мою статью: „Пояснительные значки арабских рукописей и документов Северного Кавказа“. Советское востоковедение, № 3 (печатается).

*

Б Л Е С К
Д А Г Е С Т А Н С К И Х
Ш А Ш Е К
В
Н Е К О Т О Р Ы Х
Ш А М И Л Е В С К И Х
Б И Т В А Х

*

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Предисловие акад. И. Ю. Крачковского	3
Введение	7
Блеск дагестанских шашек в некоторых шамилевских битвах	33
Глава о начале дела Гази Мухаммеда	36
Глава о начале сбора войска Гази Мухаммедом	41
Глава о первом сражении в Хунзахе	42
Глава о сражении Хамзата в Чарталы	43
Глава о первом сражении в крепости Агаш	44
Глава о сражении в крепости Тарго	45
Глава об осаде крепости Индири и нападении на Агдаш-аух	46
Глава о взятии крепости Кизляр	47
Глава о втором сражении в крепости Агаш	48
Глава о сборе войск Гази Мухаммедом для похода в Чечню	48
Отступление с упоминанием о некоторых достойных качествах и благородных поступках Гази Мухаммеда	49
Глава о сражении, в котором пал смертью праведника Гази Мухаммед и был ранен Шамиль	53
Глава о том, что произошло у Шамиля с гимринцами после этого	57
Глава о назначении Хамзата наместником имама и о его сражениях	61
Глава о сражении в Рутже, благодаря которому улетели сердца отступников этого округа и увеличилась мощь мюридов	63
Глава об избииении главарей Хунзаха и о том, что там произошло	63
Глава о походе Хамзата в Салты и о гибели его за веру от руки [жителей] Хунзаха	67
Глава о начале халифатства Шамиля и о том, что он претерпел во время него	68
Глава о выселении Шамиля в Апильту и о том, что произошло до и во время этого переселения	74
Глава об ополчении Ансая против Шамиля	78
Глава о первом взятии Ансая во время халифатства Шамиля	82
Глава о сражении в селении Хоцатле с округами Андалая и Хунзах	83
Глава о сборе войск Шамилем для сражения против русских, когда они устремились в Хунзах, и о сражении [жителей] Ыша против Шамиля	85
Глава о сражении в Тилике и проникновении русских в Апильту	87
Глава о том, что произошло у Шамиля с жителями Чирката, когда он был там	90
Глава, излагающая причины подготовки Ахульго к обороне	92
Глава о сражении в Тарад-Ихали	93
Глава о сражении в Ирганае	95

	Стр.
Глава о сражении в Ахульго	97
Глава о выдаче сына Шамиля, Джемаль ад-Дина, русским в качестве заложника в знак перемирия	99
Глава о выходе Шамиля из Ахульго и о том, что он испытал из трудностей и облегчений пока не достиг селения Шубута	108
Глава о приближении Шубута и прочей Чечни к Шамилю	122
Глава о начале сбора войск Шамилем после того, как он оставился в Шубуте	123
Глава о том, что произошло между Шамилем и тем, кому он приказал выколоть глаза	127
Глава о нападении на Ишкатылы и другие селения	129
Глава о нападении на Саид-юрт	134
Глава о взятии Гельбока в третий раз и нападении на Насирин	135
Глава о приходе русских в Чиркей и постройке там крепости	135
Глава о вторичном взятии Ансая, Гимр и Балагина	137
Глава о взятии Гуваля войсками Джавад-хана	138
Глава о первом взятии Гази-Гумука	139
Глава о вторичном сражении в Гази-Гумуке	141
Глава о набегах на Кучулик	144
Глава о нападении на Ихали	147
Отступление кое о чем том, что произошло с посланцами имама, которых он послал к его присутствию султану Абд ал-Меджид-хану, побуждая и призывая его к газавату против этих неверных	147
Глава о начале отливки пушки, при помощи которой усилилась мощь имама и было взято много крепостей из рук неверных	151
Глава о нападении на Таббутри	152
Глава о взятии крепости Ансаль	153
Глава о взятии крепостей Балагин, Моксох, Цатанах, Агалич и Хоцатль	158
Глава о переселении жителей аварских селений путем разрушения их родных мест и жилищ	161
Глава о ночном походе известного храбреца Шуайба для захвата баранты у жителей равнины	163
Глава о взятии крепости Гергебиль, осаде крепости Темир-хан-шура и прочем	164
Глава об изгнании русских из Хунзаха и осаде их в укреплении Зырани	165
Глава о взятии крепостей Янги-юрт, Шубут, Миатлы и Гельбок	168
Глава о набегах Эфенди на Хайдак и Табасаран	169
Глава о набегах Амир-хана на Эрпели и Каранай	171
Глава об уходе жителей Чиркея из своих родных мест	172
Глава о выступлении имама в Акуши	175
Глава о походе Данияль-султана для взятия селения Чох и о сожжении этого селения	177
Глава о великом сражении в 1261 [1845] г., в котором был бит Воронцов и обратился в бегство с повором и огорчением	180
Глава об уходе имама из селения Анди после его сожжения и о том, что произошло после	183
Глава о приходе русских в Старое Дарго и о начале борьбы против них	186
Глава о сражении в Бальгите	188
Глава об отступлении русских из Дарго	188
Глава о сражении в Шамхаль-Бирди	190

335

	Стр.
Глава о приходе русских в Карах	195
Глава о поселении в Новом Дарго	197
Глава о сборе имамом войск для похода в Черкесию	198
Глава о сражении в Кутиши	200
Глава о сражении в крепости Салатау	205
Глава о сражении в крепости Гергебиль	209
Глава о нападении на Ахди	210
Глава о сражении в крепости Чэх	217
Глава о первом сражении в Шали	222
Глава о назначении Гази Мухаммеда, сына имама, наибом	223
Глава о втором, третьем и четвертом сражениях в Шали	224
Глава о втором, третьем и четвертом набегах на Хайдак и Табасаран	225
Глава о набегах Бук Мухаммеда	228
Глава о сражении в Чаре	230
Глава о благословенной битве в Грузии	231
Глава о возвращении к имаму его сына Джемаль ад-Дина	236
Глава о начале бедствий и испытаний для Шамиля и его единомышленников	240
Глава о сражении в Новом Дарго	243
Глава о большом бедствии и великом несчастье для всего Дагестана, заключающихся в том, что Шамиль подпал под власть русских	244
Дополнение	251
Глава [о судьбе Данияль-султана]	255
Заключение в прекрасных стихах	260
Другое заключение	274
Дополнение о возведении и почтении, оказанных имаму Шамилю и его спутникам	277
Глава с упоминанием о поездке имама Шамиля к великому царю	286
Заключение о том, что осталось	292
Глава о выпрямлении искривленных от природы ног дочери имама Шамиля Наджабат	294
Письмо Джемаль ад-Дина к Шамилю	296
Остаток из диковинок города Петербурга	297
Дополнение о посланиях имама и великого царя	298
Дополнение о том времени, когда Шамиль погрузился во всякое благоденствие	304
Дополнение, обращающее на себя внимание	313
Дополнения редактора книги	314
Указатель собственных имен	317
Указатель географических названий	328